

Бывает, проснешься, как птица,
Крылатой пружиной на взводе,
И хочется жить и трудиться;
Но к завтраку это проходит.

Игорь Губерман

По приезду в Германию Пашка Осьминогов, как водится, стал Паулем. Всем семейством они сменили и фамилию на мамкину девичью – Шлау, что в переводе на русский означает «хитрый, толковый». Все лучше, чем предыдущая, из-за которой на родине, в Шахтинске, парня дразнили Осьминогом Паулем.

Справедливости ради нужно отметить, что отцовская фамилия была не единственной причиной обидного прозвища. Его появлению способствовало и телосложение Павла. Высокий, тощий, с длинными и худыми конечностями, он был удивительно похож на гигантского моллюска.

Глядя на себя в зеркало, парень от отчаяния скрипел зубами. А чему радоваться? Девчонки его в упор не видят, пацаны насмеваются, отец со старшим братом постоянно вышучивают.

Скелетон, Дистрофик, Засушенный Геракл, Шварценеггер – лишь немногие из «комплиментов», которые довелось услышать подростку в свой адрес.

Последний принадлежал брату Яшке, подарившему ему на шестнадцатилетние постер со знаменитым культуристом. «Шварценеггеру» от Шварценеггера», – подморгнул старшой имениннику, прикнопливая изображение «Мистера Вселенная» над кроватью парня.

Этот момент явился отправной точкой в процессе реконструкции внешности Павла. «Как же я раньше до этого не додумался? – Удивлялся он своей тупости. – Надо записаться в секцию бодибилдинга и накачать такие же мышцы, как у Арни!».

Сказано – сделано. Уже на следующий день Осьминогов отправился в Дом Культуры «Шахтёр», где занимались местные культуристы. Появление новичка те встретили гомерическим хохотом. Представить Пашку на региональном первенстве было трудно даже самым буйным фантазёрам.

На насмешки Осьминогов внимания не обращал. Он забросил учёбу, брэнчание на гитаре, поиск тротильных шашек в районе шахты, всё время посвящая «накачке массы». Уставал так, что за обедом с трудом подносил ложку ко рту. По ночам же, когда домашние спали, он надевал пляжные плавки, натирал тело подсолнечным маслом и долго вертелся перед зеркалом, принимая позы, подсмотренные в журнале «Железный мир».

Результаты его усилили увенчались успехом ровно наполовину: мышцы рук и грудной клетки заметно увеличились в объёме, но длинные ноги по-прежнему оставались худыми. Теперь Паша стал похож не на осьминога, а на страуса, что добавило шпикел в его адрес. Нужно было исправлять положение. Но как?

«Следует правильно питаться, – разьясняли ему бывалые. – Не картошку на сале трескать, а продукты с малым содержанием жиров, умеренным количеством протеинов и высоким процентом комплексных углеводов».

«Шварценеггер» очень расстроился. Что он скажет родителям? «Сами ешьте свое хручево, а мне обеспечьте шестизразовое питание с «комплексными углеводами»? Так результат известен наперёд: «Размечтался, двоечник! Жри, что дают!».

Ходить бы Павлу и дальше не то страусом, не то осьминогом, но не так судьба велела – аккуратно к окончанию ненавистной ему школы из Германии подоспело разрешение на передислокацию их семейства на землю матушкиных предков.

Пашкиной радости не было предела, ведь, по слухам, в ФРГ можно не работать, до пенсии получая социальную помощь. Размер её таков, что хватит не только на аренду отдельной от родаков квартиры, спецпитание и студию бодибилдинга, но и на анаболики, позволяющие сохранять мышцы независимо от количества сожранных углеводов!

Последнее для парня, сдвинутого на мускулистом торсе, было особо значимым, так как у них, в Шахтинске, стероидов этих днём с огнём не сыщешь. Да если б их даже в киосках продавали, где взять деньги? Качки рассказали ему по секрету, что банка чудо-таблеток стоит около двух тысяч рублей. А ещё нужны специальные смеси, пчелиное маточное молочко, льняное масло, сывороточный протеин и многое другое, что будет ему по карману лишь в Германии.

Попав в страну своих грёз, от разочарования Паша едва не разревелся. Выяснилось, что нет в Германии ни молочных рек с кисельными берегами, ни скатертей-самобранок, ни ковров-самолетов. Все пашут, как лошади. Помощь социальная – смех курам – триста пятьдесят девять евро на нос, при прожиточном минимуме девятьсот. Это притом, что сюда входит оплата телефона, Интернета, электричества в доме, услуги парикмахера, покупка одежды, питание... Мама родная! А как же дискотеки, бары, фитнес-студия, спецпитание с маточным молочком, стероиды? Спасибо, хату оплачивают, но опять же, не всякую, а ту, что поменьше и похуже, в каком-нибудь неблагополучном районе.

Иметь автомобиль социальщику не полагается, переехать в другой город тоже нельзя. Да и само пособие дают не за здорово живешь – надо постоянно доказывать, что господдержка – единственная возможность не протянуть ноги. Раз в месяц нужно являться «на ковер» к чиновнику биржи труда и демонстрировать результаты активных усилий по поиску работы. Если тот их вдруг не заметит, то сам подыщет соискателю лопату или кайло. Откажешься – урежут пособие. И так несколько раз, пока, не то, что на пиво с «Мальборо», на минералку с самокрутками не останется. Вот тогда сам побежишь впереди паровоза устраиваясь любым подметалом.

«Если б я знал, что в Германии такой беспредел, разве б сюда припёрся? – Терзался Павел. – Меня же пацаны заверяли, что немецкие социальщики годами дома сидят, пиво попивают, пультом телевизора да мышкой компьютерной пощёлкивают. А надоест, едут путешествовать... А тут – сплошные вилы!».

Родня парня ждать унижительных собеседований не стала, сразу отправилась работать на консервный завод: мать – фасовщицей, отец с Яшкой – подсобными рабочими. Звали с собой и младшего, но тот как отрезал: «На немцев горбатиться не стану, а будете приставать, уйду из дому!».

Но и тут Павла ждал удар – согласно недавно принятому закону, неработающие дети до двадцати пятилетнего возраста должны жить в родительском доме и не могут претендовать даже на жалкие крохи государственной помощи – учись или работай!

Парень выбрал учёбу. «Учиться, учиться и учиться!» так лучше, чем работать, работать и работать.

Вгрызлся в гранит науки Паша недолго. Через полгода вылетел из столярного училища «за прогулы и плохую успеваемость». Яшка над ним насмехался, родители не давали денег на развлечения и всячески трепали нервы. Пришлось капитулировать.

Нет, он не пересмотрел свои взгляды на тяжёлую малооплачиваемую работу – горе заставило: Павел стал стремительно терять форму, постепенно возвращаясь к конституции осьминога.

Немудрено: мать с отцом категорически отказались спонсировать занятия культуризмом, считая их блажь бездельника. О специальном питании не могло быть и речи – обычным попрекали.

В очередной раз, сравнив себя со Шварценеггером, украшающим его компьютерную заставку, Пашка пришел в ужас – до торса Арни ему было, как таракану до Шахтинска и обратно. Потрясение заставило выйти на сайт биржи труда в поисках будущего работодателя.

Предложения душу не радовали. Почти везде требовались люди с водительскими правами и хорошим немецким. А с этим были проблемы.

Благодаря тому, что все школьные каникулы он проводил у родителей матери, швабский диалект он худо-бедно освоил. Но грамматика...

Впрочем, с русским правописанием у парня были аналогичные отношения, так что должность секретаря-референта ему не светила нигде. Интеллектом он тоже не блистал, а физическая форма не позволяла работать не только секьюрити в приличном заведении, но даже вышибалой на русской дискотеке.

Через какое-то время до Павла дошло, что плачет по нему лишь одна работа – «старший куда пошлют». Если, конечно, пройдет собеседование.

Выплакала его стройка, где в любую погоду, до судорог в локтевых суставах, нужно было вязать арматуру. «Такой хоккеей нам не нужен!» – Повторил Осьминогов любимую поговорку отца и ушёл на больничный. Потом ещё раз. В итоге, не прошёл испытательный срок и вновь предстал пред ясны очи чиновника, закреплённого за ним, как палка за собакой.

Следующим рабочим местом, где Паша подвизался в качестве тягловой силы, оказалась типография. Надо ли говорить, что и там у него не срослось. В ответ на замечание бригадира «Лемур ленивый!» Осьминогов парировал: «Павиан крикливый!» – И тут же стал свободен, как сопля в полёте.

Последний подвиг был отмечен подзатыльником брата и нескончаемыми нотациями родителей, которые пилили его похлеще бензопилы «Дружба».

Любое терпение имеет предел, и Паша гордо покинул родительский дом, пообещав никогда в него не возвращаться. Благо, было куда идти.

Месяц назад по Интернету он познакомился с Мишкой, дальнбойщиком из их городка. Тот снимал двушку недалеко от вокзала, дома бывал редко и был готов «за бесплатно» подселить к себе земляка. Последний обязывался кормить аквариумных рыбок, выгуливать добермана Рекса и мыть лестницу в дежурство Михаила. Осьминогов с радостью принял все условия – за подобную плату он не снял бы и топчан на лоджии у коренного немца.

Таким образом, вопрос с «крышей» решился, но как быть с питанием? Брать его на довольствие Мишка не собирался. К родителям идти не хотелось, раз уж заявил им о «вольном выпасе». Зарплатой даже не пахло. Побираться у вокзала было стыдно. Да и кто его пустит на «рыбное» место – весь «партер» уже занят бомжами, синяками и наркошами. А голод – не тётка, пирожка не подаст.

Два дня Осьминогов ходил с глазами голодного бультерьера. В конце концов схомячил все Мишкины запасы чипсов, сухариков, печенья и орешков. Выдул найденную в шкафчике банку кофе и стал коситься на мясные консервы Рекса. Перехватив его взгляд, пёс так зарычал, что с крамольной мыслью пришлось распрощаться.

Всю ночь у него в животе урчало, а наутро юношу осенило: «Пиццерия!». Выгуливая Рекса, он видел на её двери объявление: «Требуется разносчик рекламных буклетов. Работа на два-три часа в день. Стабильная понедельная оплата плюс бесплатная пицца».

Последнее было не менее приятным, чем первое. Да и сама работа – не бей лежачего – гуляй себе с псиной на воздухе да тыкай листовки во все встречные почтовые ящики.

Реальность оказалась намного жестче, чем представление о ней. На участке Павла было около ста домов, рюкзак за спиной весил килограммов восемь, а то и все десять. На доброй половине почтовых ящиков красовалась наклейка с растопыренной ладонью и надписью: «Никакой рекламы!». Рекс вёл себя безобразно: всё время рвался с поводка и жалобно скулил. К концу смены руки отваливались, спину ломило, в глазах рябило, желудок исполнял военные марши. Чем не концлагерь?

Мозг парня лихорадочно искал выход. И нашёл. Если в понедельник юноша разнёс по

ящикам все листовки, то во вторник и среду – только половину. В четверг же – выбросил весь комплект. И не куда-нибудь, а в мусорный контейнер, находившийся на территории пиццерии. Он же не верблюд таскать эту хрень на собственном горбу!

На следующий день вместо недельного расчёта от шефа-турка Паша получил по морде. Если б не присутствие Рекса, последствия могли быть и более серьёзными.

От голодного обморока парня спас приезд Мишки, который несколько дней «накрывал поляну», после чего отбыл в очередной рейс. Кое-что из продуктов осталось квартиранту на «чёрный день».

Последний наступил довольно быстро. Павел скис. Не так он представлял себе отдельное от родителей проживание. Мало того, что жрать хотелось, как последнему людоеду, так ещё Рекс выл по хозяину, и постоянно скандалила соседка снизу. Старая хрычовка изводила Пашку своими претензиями: то он лестницу моет абы как, то входной дверью громко хлопает, то свет в подвале не выключает, то музыка у него «нечеловеческая», разрывающая барабанные перепонки.

Последние три дня фрау Шульц пугала подселенца заявлениями в полицию и в общество защиты животных. «Раз пёс по ночам воеет, значит, ты над ним издеваешься, – метала она молнии в адрес новоявленного соседа. – При Михазле такого не было. Если вой не прекратится, специальные службы отберут у тебя собаку. Уж я-то об этом позабочусь!».

С наступлением ночи перепуганный Пашка надел на собаку намордник. Бедное животное обрадовалось незапланированной прогулке, но, поняв, что его обманули, стало носиться по квартире, пытаясь сбросить с себя ремешку сетку.

На следующий день к Осьминогову явилась Шульциха в компании старшей по подъезду фрау Краузе. Бабки вручили ему петицию, опечатанную на древнем «Ундервуде». Испещрённый дырочками листок был похож на дуршлаг, что указывало на то, с какой злостью божьи одуванчики колотили по клавишам машинки.

Оказалось, что ночная беготня Рекса не позволила выспаться всему подъезду, и жильцы собрали подписи под заявлением о передаче сбрендившей собаки в питомник.

От страха у Павла аж ноги подкосились. Если с псом что-то случится, Мишка его по стенке размажет. Потом, конечно, отскребёт и, не задумываясь, выбросит за дверь.

Собрав мозги в кучу, Осьминогов стал названивать Михаилу. Когда тот отозвался, поведал земляку о «фашистских» происках местных старпёров, решивших сдать Рекса на живодерню. «Этим гестаповкам не понять тоски собаки по хозяину, – захлёбывался в негодовании Павел. – Ну, и что, что пёс иногда подвывает? Не убивать же его за это! Бабки явно нарываються на партизанскую войну. Мало им наши прадеды всыпали!».

Расчёт ушлого парня оказался верным. Злоба земляка обрушилась вовсе не на его голову. Не особо вникая в детали, Мишка переругался с соседями, пообещав им неминуемый «блицкриг». Те в ответ пригрозили полицией, сообщив, что заявление на бесхозную собаку уже отправлено «куда надо». Пришлось Михаилу увезти Рекса в Баварию, к троюродному брату.

Павел вздохнул с облегчением. Во-первых, его не выгнали, во-вторых, избавили от обузы. Не нужно больше никого выгуливать, улаживать и успокаивать. Рыбки, слава богу, ведут себя прилично: не мешают ни в «стрелялки» играть, ни в социальных сетях зависать.

Что касается последних, то польза от них была несомненной. Посещая различные иммигрантские форумы, парень получил наводки на фирмы, где можно было подработать, не особо глотая пыль.

Куда он только ни устраивался, но больше месяца не задерживался нигде. Оно и понятно, трудился Осьминогов откровенно плохо: опаздывал, халтурил, ссорился с коллегами. Постоянно ворчал, что фирма – дерьмо, шеф – кровосос, сотрудники – недоделанные дебилы. Информация о его настроениях всегда доходила до руководства, и Паша снова оказывался на улице.

Всё бы ничего, но налицо была потеря мышечной массы. Чем не трагедия? Шварценеггер в свои лучшие годы имел объём груди 145 см, талии – 79, бицепса – 56. А у него, Пашки, что? У воробья под коленом мышца и то круче.

Юноша метнулся к компьютеру, вышел на форум местных культуристов. С их помощью подсчитал, что для поддержания должного уровня мышечного объёма нужна

куча денег: сотня – на специальные смеси, сотня – на фитнес-студию, двести пятьдесят – на грамотное питание, сто двадцать – на анаболики, которые следует колоть раз в полгода. Ещё нужны спортивная форма, проездной билет и так... по мелочам. А если ещё за жилплощадь платить придётся? Как ни крути, надо зарабатывать.

С физической работой он уже всё понял. Там, хоть на пупе извертись, а заработка хватит лишь на квартплату да раз в год в отпуск смотаться на какую-нибудь вшивую Майорку. «Это где ж себя надо найти, чтоб на такую жизнь согласиться? – Возмутился Павел.

До самого утра он гнул извилину и таки придумал себе прибыльное занятие. Даже два. Во-первых, он будет потихоньку приторговывать анаболиками. Именно приторговывать, а не торговать – в Германии это уголовно наказуемо. А, во-вторых, станет дрессировщиком. Наставлять будет не кого-нибудь, а будущего предсказателя, который за пояс заткнёт его тезку – осьминога Пауля.

Последний угадал исход матчей футбольной сборной ФРГ и сразу стал национальным героем. Какая вакханалия вокруг него поднялась – завидки берут! Страницы газет и журналов пестрели сводками:

– «Испанцы намереваются выкупить у немцев Пауля за тридцать тысяч евро, предоставить ему политическое убежище и издать специальный закон о неприкосновенности футбольного предсказателя»;

– «Бургомистр испанского муниципалитета Карбайньо, в знак благодарности за предсказание успеха испанской национальной сборной, удостоил Пауля звания почётного гостя города»;

– «Пауля обзавелся собственным блогом в Twitter, стал «лицом» рекламы Pepsi»;

– «Спрут завёл собственную страницу на Facebook, где уже зарегистрировались более пяти тысяч его поклонников»;

– «Испанские и немецкие почитатели таланта осьминога объявили о намерении поставить ему памятник»;

– «Пауля хотят выкупить сразу несколько букмекерских компаний, а один российский бизнесмен предложил за него пятьсот тысяч евро» и т.д. и т.п.

Наблюдая за высотой волны, поднятой немецким осьминогом, многие кинулись дрессировать собственную живность. На арену вышли: песец Лисси, дикобраз Леон, бегемот Пети, обезьяна Антон. Затем прорезался сородич знаменитости – осьминог из океанариума Лас-Вегаса, определяющий победителя в боях за титул чемпиона мира по боксу. Вслед за ним о себе заявили пёс Кларито из аргентинского города Росарио и его соотечественники: черепаха Хорхе, дельфин Сайко и попугай Пепе. Вскоре Всемирную сеть заполнили сообщения о российских футбольных оракулах: гамадриле Маське и слонихе Сюзи. Не погнушались участием в спиритических сеансах и российские улитки Ульяна и Галя, а также алтайский карп, клюнувший на удочку с флагом Испании.

Но, как ни старались хозяева «экстрасенсов», ни одному их питомцу так и не удалось удостоиться лавров знаменитого моллюска. Это Пашку очень порадовало, так как именно его воспитанник должен заменить Пауля на пьедестале. Главное – не ошибиться в выборе.

Понятно, что это будет не осьминог, для содержания которого нет никаких условий. Нужно остановиться на ком-то попроще.

Собака отпадала. Если верить Всемирной сети, специальное обучение «друга человека» стоит не менее трёх тысяч евро. Да и какой пёс выдержит нападки старушек-гестаповок? Одного уже отправили в ссылку...

Искать нужно было что-то мелкое, бесшумное и толковое. За советом парень обратился к «Яндексу». Тот сразу выдал четыре варианта: шиншилла, миниатюрная свинка, игуана и декоративный кролик.

Шиншилла всем была хороша: сообразительна, очаровательна, ласкова, аккуратна, но... больно дорога – двести пятьдесят евро.

Мини-пигги вообще убила Пашу своей ценой – самая дешёвая свинка стоила полторы тысячи. К тому же, вместо декоративной хрюшки, покупателю нередко втюхивают самого обычного заморённого поросенка, который со временем превращается в вонючую двухсоткилограммовую хавронью. Осьминогов представил себя свинарём, бинтующим рыло питомца скотчем, дабы тот не разбудил соседей хрюканьем, и его прошиб холодный

пот.

Игуана сама по себе стоила сущие деньги, но необходимые ей атрибуты здорово «кусались». Для содержания экзотического ящера нужен был большой террариум, обогревательные лампы, свежая зелень и многое другое. Таким образом, и его кандидатура пролетела со свистом.

В сухом остатке оказался лишь карликовый кролик весом в один килограмм, названный «Яндексом» очень сообразительным животным. На нём будущий дрессировщик и остановился.

Как и следовало ожидать, денег на пушистого друга родители не дали. «С людьми дружить не пробовал? – Изогнул бровь отец. – Я в твои годы уже семью кормил!». «Сынок, ты не болен? – Всплеснула руками мать. – Какие кролики? Тебе учиться нужно. Совсем ведь от безделья свихнёшься!».

Яшка от смеха аж на пол сполз. «Цирк зажигает огни! – Дёргал он судорожно ногами.

– На арене – Пауль Осьминогов в компании великого прорицателя – кролика Роджера!». На этот раз Пашка обиделся не на шутку. Даже провиант, приготовленный матерью, не прихватил. «Подавитесь своими харчами! – Проворчал он себе под нос. – Посмотрим ещё, кто будет смеяться последним».

Вечером по скайпу Осьминогов связался с парнем, искавшим «свежего агента» для своего сетевого маркетинга. При личной встрече выяснилось, что официальной ширмой для торговли анаболиками является продажа биологически активных добавок. Это Павла порадовало: в случае чего, можно прикинуться шлангом, мол, я – не я и хата не моя.

Не прошло и полгода, как Паша обзавёлся собственным ноутбуком, приборахлился, возобновил тренировки, начал «грамотно» питаться. Всё, что съедал, ежедневно записывал в тренировочный журнал.

Но самое главное – он приобрёл клетку, корм и будущего оракула. В зоомагазине парня предупредили, что декоративным кроликам требуются внимание и ласка, насилия они не переносят, как, впрочем, и неправильного питания. Имея маленький однокамерный желудок и высокую скорость пищеварения, вислоухие мини-звери кушают по тридцать раз в сутки. Кормить их нужно не только комбикормом и отрубями, но и сухим сеном, слегка подвяленной травой, овощами, фруктами, свежими листьями. Поить – отфильтрованной кипячёной водой. Овощи перед кормлением необходимо мыть – несвежая пища вызывает у зверьков расстройство желудка. В этом случае, следует немедленно ехать в зооклинику.

Ознакомившись с «Инструкцией по эксплуатации», Павел ухватился за голову – «не имела хлопот баба и купила порося...». Справится ли «сообразительное животное» с возложенной на него миссией ещё неизвестно, а мороки с ним – выше крыши.

Промелькнули ещё три месяца. Все попытки превратить кролика в предсказателя терпели фиаско. Грызун жрал, как пылесос, дрессуре не поддавался, часто болел: то у него чихание неукротимое, то вялость, то обида на хозяина, заставляющая забиваться в угол клетки. В общем, сплошные убытки. Из достоинств лишь одно – полная бесшумность.

Последнее вовсе не примирило Пашку с соседями. Они, по-прежнему, извергали в его сторону жабу и желчь. Тот, в свою очередь, показывал старушкам средний палец, корчил им рожи, обзывал старыми коровами. Кто они, собственно, такие? Пенсионерыки! А он? Будущий миллионер!

Поверив в собственную исключительность, Осьминогов прекратил беготню по клиентам и стал брать «работу» на дом. «При наличии телефона и Интернета только ишаки стирают собственные копыта», – Делился он умозаключениями с кроликом.

Зверёк слушал вполуха, равнодушно похрустывая тыквенными семечками. Плевать он хотел и на проблемы хозяина, и на его наполеоновские планы.

Пашка жутко злился. Ну, что тут сложного? Есть две одинаковые ёмкости с кормом. На первой приклеена эмблема известной спортивной команды, на второй – её соперницы. Корм идентичный – сочные очищенные яблоки и сладкая морковь. Выбирай, скотина! Так нет. Пушистый тупица упирается лбом в одну из мисок и двигает её к другой. Затем содержимое обеих выворачивает на пол и всю кучу поедает одновременно. Не зря эта порода называется «вислоухий баран». А с барана какой спрос?

Павел экспериментировал на балконе со всеми кроличьими лакомствами: сухариками

из белого хлеба, пророшенным на подоконнике овсом, капустой брокколи, картофельными очистками... Убедившись в бесперспективности затеи, впал в дикую ярость: схватил кролика за уши и выбросил его на улицу.

А внизу, на балконе третьего этажа, в это время чаевничали фрау Шульц и фрау Краузе. Они уже полчаса обсуждали странный шум, доносящийся из квартиры «русских бандитов». Вначале оттуда раздавались непонятные отрывистые команды, затем – ругательства, среди которых бабки вычленили знакомое – «идиот». Спустя минуту наверху что-то загремело, и мимо их цветочного ящика с геранью просвистел серый мохнатый клубок.

Старушки бросились к поручню, заглянули вниз и ахнули: на узкой полоске асфальта, протянувшейся под балконами, недвижимо лежала не то маленькая собачка, не то морская свинка.

– Доигрались, живодёры! – Взвизгнула фрау Краузе, тыкая подагрическим пальчиком на кнопки своего мобильного. – Будут вам теперь и «блицкриг», и операция «Барбаросса».

В момент, когда полицейские выводили Пашу из подъезда, к дому подъехал его постоянный клиент – качок Рихард. Узрев столь печальную картину, немец быстро сообразил: пора каяться. «Пока Пауль не слил всех своих покупателей, нужно явиться в участок и дать признательные показания, – рассудил он. – Иное дело, если вызовут повесткой. Доказывай потом «чьи в лесу шишки».

Когда Осьминогова привезли в полицию, у дежурного на столе уже лежал донос Рихарда. Так дрессировщик-неудачник оказался в исправительном учреждении для подростков.

По прошествии первого шока Паша понял, что он таки неплохо устроился. По российским меркам, тюрьма тянула на санаторий со спортивным уклоном. Небольшие трёхэтажные здания посреди парка, футбольная и волейбольные площадки, садоводческий центр, утопающие в зелени авторемонтные мастерские, ухоженные дорожки, цветущие лилии в пруду, где плавают золотые рыбки... В коридоре есть телефон, по которому можно звонить родителям. Свидания с родственниками – каждую неделю по часу.

Кормят весьма прилично, все одеты в своё – никакой униформы. В свободное время можно заниматься в крытом спортивном комплексе, играть на гитаре, слушать музыку по CD-шнику, читать в библиотеке газеты и книги, смотреть телевизор в своей восьмиметровой комнате, назвать которую камерой-одиночкой язык не поворачивается.

А что? Кровать мягкая, на окнах всёеленькие занавески в цветочек. Отдельный санузел с душем. Есть маленький холодильник, письменный стол с лампой, стул, платяной шкаф, полка для дорогих сердцу вещей. Над кроватью разрешили повесить российский флаг, над столом – постер со Шварценеггером.

Его, Пашкина, комната в Шахтинске выглядела ничуть не лучше. Даже решётки на окнах были, так как жили они на первом этаже.

В общем, полный пансион по типу «всё включено». Пока родки пашут в поте лица, он тут подхарчится, подкачается, выучится на автослесаря и ещё брательнику даст сто очков форы.

***

Срок заключения потихоньку истекал. К этому времени Паша окончательно понял: ковыряться в чужих машинах он не будет – достоин лучшей участи. К дрессуре тоже больше не вернётся. Его прославленный тёзка не вынес бремени славы и отдал Нептуну свою морскую душу. Необычные способности моллюска оказались гениальной мистификацией букмекеров. Подобный номер больше не прокатит. Нужен другой, долгоиграющий.

«Думай, голова, – шапку куплю!» – Чесал Осьминогов лоб, сидя в комнате отдыха.

В этот момент его взгляд упал на оставленную кем-то газету. На последней странице в рубрике «Она ищет Его» Павел прочёл: «Срочно ищу мужчину для коммерческого брака на западе Германии. Предлагаю двадцать тысяч евро. Рассмотрим любые предложения».

Лицо парня озарила счастливая улыбка. «Эврика!» – завопил он и, путаясь в развязавшихся шнурках, понёсся в библиотеку листать подшивки газет с объявлениями.